

А. К. БАЙОВ — РУССКИЙ ГЕНЕРАЛ НА ЭСТОНСКОЙ СЛУЖБЕ

РОМАН АБИСОГОМЯН

Проблема пополнения эстонских офицерских кадров и их профессиональной подготовки была актуальна как во время Освободительной войны 1918–1920 гг., так и после ее завершения. Для ее решения распоряжением главнокомандующего эстонских вооруженных сил от 3 апреля 1919 г. было сформировано Военное училище (Vabariigi Sõjakool), учебный процесс которого строился по образцу бывшей российской школы прапорщиков с четырехмесячным сроком обучения. Однако в 1920 г. с постепенным переходом как всей страны, так и армии на положение мирного времени, возникла необходимость в более серьезном теоретическом и практическом обучении эстонского офицерского корпуса. Поэтому в том же году были открыты также Военно-техническое училище (Sõjaväe Tehnikakool) и Военно-морское Кадетское училище (Mereväe Kadetide Kool), а в 1921 г. — Курсы Генерального штаба (Kindralstaabi kursused), по окончании которых эстонские офицеры получали высшее военное образование [Pajur: 148–153].

Одной из основных проблем, с которой столкнулось командование эстонскими вооруженными силами при организации военных учебных заведений, являлась нехватка профессиональных преподавателей. В этой связи было решено обратиться с предложением — занять вакантные места лекторов по различным отраслям военного дела — к русским военным специалистам, проживавшим в то время в Таллинне. К сотрудничеству был привлечен ряд инженеров, врачей, юристов, специалистов в области точных наук и преподавателей иностранных языков.

В качестве преподавателей были приглашены на службу лекторы и профессора бывших российских высших военных

учебных заведений, такие как генерал-лейтенант Генерального штаба А. К. Баиов, генерал-лейтенант Г. М. Ванновский, генерал-майор Генерального штаба Д. К. Лебедев, полковник П. П. Маресев, генерал-майор Генерального штаба А. А. Зальф, генерал-майор В. Л. Драке, полковник Генерального штаба А. В. Кушелевский, лейб-медик, профессор С. А. Острогорский, полковник В. Н. Рославлев и др. [ERA 646: 1: 162: 1–1 об.; Kõrgem Sõjakool: 54–55, 60].

Из общего числа русских преподавателей самой яркой и значительной фигурой, без сомнения, был генерал-лейтенант А. К. Баиов. До эмиграции в Эстонию Баиов являлся правителем дел и профессором кафедры истории русского военного искусства Николаевской военной академии Генерального штаба. Его перу принадлежало порядка 23 книг по разным отраслям военной науки, в частности, фундаментальный «Курс истории русского военного искусства» в семи томах. Он был участником и организатором многочисленных обществ, редактором ряда военно-исторических изданий, а также проявил себя как талантливый военачальник в Первой мировой войне [Исаков 1996: 306–307].

Так как многие высшие чины эстонской армии (Й. Лайдонер, Я. Соотс, А. Ларка, П. Лилль, Ю. Тывранд и Я. Ринк) являлись в прошлом учениками Баиова по Николаевской академии Генерального штаба, то именно ему в первую очередь предложили занять должность преподавателя Военного училища. К чтению лекций он приступил уже с октября 1920 г. Вероятно, по его рекомендациям был набран и остальной штат преподавателей училища.

Самым значительным вкладом русских военных специалистов в дело обучения и подготовки эстонских офицерских кадров следует, на наш взгляд, считать их деятельность на Курсах Генерального штаба, где преподавание началось осенью 1921 г. Собственно говоря, организация обучения являлась в большей степени заслугой А. К. Баиова, поскольку именно он составил детальное описание структуры учебного процесса, вошедшее в «Записку о курсах Генерального штаба в Эстонии», подписанную Баиовым 18 мая 1921 г. [ERA 1856:

1: 6: 171–184]. Структура была детально расписана Баиовым по следующим разделам: цель курсов, способы достижения указанных целей, продолжительность курсов, штат обучающихся, прием на курсы, предметы преподавания и практические занятия, метод и характер преподавания, план учебных занятий, распределение предметов и практических занятий по лекторам и руководителям, оплата труда преподавательского состава.

Судя по пометкам, сделанным в тексте «Записки», по всей видимости, начальником Курсов Генерального штаба, а также по тому, как осуществлялся в дальнейшем учебный процесс, можно заключить, что предложенный учебный план был одобрен и был принят с привнесением небольших корректив. В утвержденный военным министерством штат преподавателей Курсов вошли А. К. Баиов, Г. М. Ванновский, Д. К. Лебедев, В. Л. Драке, П. П. Маресев, А. Н. Малевич, И. И. Голенищев-Кутузов, Г. А. Э. фон Зальца, Н. Резк, Н. Эрасси, А. Пийп, Ю. Улуотс и Ф. И. Корсаков [ERA 1856: 1: 2: 2]. В числе ассистентов преподавателей также числился генерал-майор артиллерии российской армии и резерва эстонской армии А. А. фон Ден [Kõrgem Sõjakool: 55].

Программа обучения, предложенная Баиовым для Курсов Генерального штаба, включала в себя курсы по истории военного искусства, истории Первой мировой войны, военной географии соседних с Эстонией государств, военной статистике и стратегии, с практическими занятиями по последним двум предметам [Там же]. По каждому курсу Баиовым были составлены подробные конспекты лекций, которые были отпечатаны и размножены. Объем этих работ был весьма внушительным. Так, например, объем «Истории военного искусства от народов древности до начала XX ст. включительно» составлял 834 страницы, «Лекций по стратегии» — 548 страниц, «Великой Мировой Войны» — 307 страниц, «Военной географии соседних с Эстонией государств» — 170 страниц и «Лекций по теории статистики» — 82 страницы.

Однако значительным был не только объем читаемых Баиовым курсов, но и объем его преподавательской нагрузки, ко-

торая в первые годы его работы в военных учебных заведениях республики доходила до 20 лекционных часов в неделю только в Военном училище [ERA 646: 1: 162: 1–1 об.]. В целом нагрузка Баиова была самой большой, хотя и у других русских преподавателей она была достаточно высокой. Поэтому неудивительно, что к моменту открытия Курсов Генерального штаба часть русских лекторов во главе с А. К. Баиовым высказала руководству эстонских учебных военных заведений свое категорическое несогласие с лекционным объемом и его оплатой [ERA 1856: 1: 5: 4].

В результате военное министерство Эстонской Республики изыскало возможность повысить зарплату преподавателей с 50 марок за лекционный час до 160 марок — лекторам и до 300 марок — профессорам. Однако при этом было отмечено, что, ввиду трудного экономического положения Эстонии, дальнейшее повышение заработной платы преподавателей не предвидится [Там же]. Видимо, данный вопрос так и остался до конца неурегулированным, т.к. в начале декабря 1921 г. те же сотрудники подали по очереди рапорты на имя начальника Военного училища, в которых, во-первых, высказывали несогласие читать ряд лекций, предназначенных для Курсов Генерального штаба, также и для слушателей Военного училища; во-вторых, отмечали, что за определенное количество лекционных часов училище до сих пор не заплатило [ERA 1856: 1: 7: 83–87 об.]¹. По отношению к таким требованиям военное министерство заняло жесткую позицию. Так, к примеру, в августе 1922 г. А. К. Баиову через начальника эстонских военных учебных заведений было передано, что «отказ от сотруд-

¹ Поочередность подачи рапортов лишний раз свидетельствует о том, что главным инициатором коллективных протестов среди русских преподавателей училища был А. К. Баиов, который в данном случае подал рапорт самым первым 3 декабря, на следующий день рапорт подал П. П. Маресев, а 7 декабря их примеру последовали Г. М. Ванновский и А. В. Кушелевский. В рапорте последнего, так как он не преподавал на Курсах Генерального штаба, недовольство высказывалось только по поводу неуплаты за прочитанные часы [ERA 1856: 1: 7: 83–87 об.].

ничества в одном военном учебном заведении является отказом от сотрудничества вообще» [ERA 646: 1: 162: 73].

Проблемы русских военных специалистов были связаны не только с большой лекционной нагрузкой и низкой оплатой труда, но и с большим числом слушателей в классах, что, несомненно, усложняло работу преподавателя, особенно на практических занятиях. Однако, по мнению инспектора классов Военного училища, недовольство русских преподавателей было необоснованно, т. к. количество слушателей в классах в 25 человек считалось вполне нормальным [ERA 646: 1: 304: 145, 158–160]. Но на проверку оказывалось, что в некоторых классах число слушателей достигало 35 человек, поэтому предложение русских преподавателей разделить большие группы слушателей на несколько подгрупп было вполне оправданным [ERA 1856: 1: 5: 5 об.].

Очередным камнем преткновения стало требование руководства Курсов Генерального штаба предоставлять рукописи лекций для дальнейшего тиражирования. И на сей раз проблема была связана с не удовлетворявшим преподавателей объемом гонорара. Руководство Курсов предлагало за составление конспектов лекций оплату в размере двойного тарифа за чтение лекций, а за дополнительную корректуру — 25% тарифа. С этим предложением большинство преподавателей было категорически не согласно, полагая размер оплаты несоразмерно низким по отношению к объему работы [ERA 1856: 1: 6: 199–207]. Впрочем, вскоре компромисс был найден, и за каждый печатный лист преподаватели, утвержденные на должности профессоров, получили по 3 000 эстонских марок [ERA 1856: 1: 9: 11 об.]. Правда, и в этот раз Баиов выразил свое несогласие с принципом подсчета печатных знаков и листов, согласно которому объем его работ был занижен. В результате была создана специальная комиссия, которая после перепроверки подсчетов удовлетворила требования Баиова [ERA 1856: 1: 10: 150, 176–177].

Может сложиться впечатление, что щепетильность Баиова и его коллег в отстаивании своих интересов были следствием капризности, высокомерия и завышенной самооценки, однако,

как нам кажется, их притязания были вполне обоснованы, так как исходили из объективного расчета выполняемой работы, объем которой был на порядок выше, чем у такого же уровня специалистов в среднем по Эстонии. Стоит отметить и тот факт, что изначально уровень зарплат преподавателей в военных учебных заведениях был намного ниже, чем, например, у преподавателей средних учебных заведений. К примеру, в своем рапорте на имя начальника военного округа от 22 августа 1922 г. начальник Военного училища отмечал, что зарплата инструкторов по стрельбе и фехтованию (полковник Ф. Лебедев и капитан Б. Бетхер) ниже, чем у таких же инструкторов, преподающих в средней школе, что является причиной их увольнения по собственному желанию [ERA 646: 1: 164: 85–85 об.]. В целом же военное руководство с самого начала стремилось организовать процесс обучения в военных учебных заведениях максимально экономно. Так, например, Курсы Генерального штаба планировалось организовать без дополнительных ассигнований, в рамках уже принятого бюджета. Продолжительность работы Курсов предполагалось ограничить двумя годами, пока не будут подготовлены свои профессиональные кадры, получившие высшее военное образование в военных академиях стран Западной Европы [ERA 495: 2: 84: 397, 491–495]. По сути, военное руководство страны стремилось максимально использовать знания и навыки русских военных специалистов в максимально короткие сроки при максимально низких затратах.

Оплата труда и вопросы, связанные с лекционной нагрузкой, были не единственными проблемами, с которыми приходилось сталкиваться русским военным в их преподавательской деятельности. Отношение к ним их эстонских коллег и учеников было далеко от идеального. В этой связи весьма показательным является бестактное и обидное наставление начальника Курсов Генерального штаба полковника Н. Резка обучающимся, в котором он, призывая их соблюдать чистоту и правила гигиены, для большей показательности цитировал слова некоего иностранца, посетившего Россию в XIV в. и утверждавшего, что русский народ не может считаться культурным, так как, об-

разно выражаясь, не умеет пользоваться уборной. Выводом являлось предостережение о том, чтобы какой-нибудь иностранец не сделал такого же умозаключения об эстонцах [ERA 1856: 1: 10: 160].

Если пассажи подобного рода позволял себе образованный старший офицер эстонской армии, то можно себе представить, какое отношение к русским преподавателям формировалось у молодых солдат и офицеров. Результаты таких наставлений обнаружались уже через некоторое время, а именно в 1923 г., когда рядовой Лепик, подделав подпись, украл деньги, предназначенные для А. К. Баиова, которые Лепик должен был принести ему на дом [ERA 1856: 1: 64: 11].

Для многих представителей эстонского общества преподавание российских специалистов в военных учебных заведениях Эстонии казалось неприемлемым. Начиная с весны 1920 г. в ведущих периодических изданиях Республики все чаще стало выражаться недовольство по поводу чрезмерного числа русских офицеров и военных специалистов в армии и военных училищах. Критика была направлена как в адрес эстонского правительства, так и в адрес высшего руководства эстонских вооруженных сил, допускавшего такое положение дел. В частности, один из слушателей Военно-морского кадетского училища с возмущением писал в газете “Vaba Maa”, что в Военном училище вместо работавших во время Освободительной войны преподавателей-эстонцев теперь преподают исключительно бывшие русские генералы и офицеры, которые все свои лекции читают на русском языке. Не осмеливаясь обсуждать их профессиональные качества, автор задавался вопросом: куда же подевались эстонские военные специалисты? [Hääl].

В ответ на критику высшие чины эстонской армии заявляли, что данное положение дел временно и эстонская армия пока не может отказаться от услуг русских военных, так как не обладает достаточным количеством специалистов эстонской национальности. Но как только такие кадры будут подготовлены, руководство эстонских вооруженных сил обещало рассмотреть вопрос о целесообразности дальнейшего сотрудничества с бывшими российскими офицерами [Mõned küsimused].

Несмотря на эти обещания, эстонская пресса требовала более решительных мер. Поэтому еще в конце мая 1920 г. военный министр А. Ханко отдал приказ, согласно которому все служащие по военной линии инородцы обязывались в течение шести месяцев овладеть эстонским языком, в противном случае им грозило увольнение [Väljavõtted]. Однако санкции, предусмотренные данным приказом, в то время ни к кому применены не были, и разбирательство отложили на будущее.

В случае с А. К. Баиовым эстонская общественность была недовольна занимаемой им общественно-политической позицией. Баиов был монархистом и убежденным сторонником великой, «единой и неделимой» Российской империи, и своих убеждений никогда не скрывал. До конца жизни он остался верен раз данной присяге, отказался присягать Временному правительству и не согласился сотрудничать с большевиками. Несмотря на то, что ему предлагали в упрощенном порядке принять эстонское гражданство, Баиов отказался и от этого предложения. Известно, что при устройстве на службу в эстонские военные заведения Баиов заявил генералу Я. Соотсу, «что все равно он останется таким же русским, каким был и раньше» [ERA 1: 7: 28: 177]. Очевидно, что наличие людей с подобными убеждениями — особенно на такой должности, какую занимал Баиов, — в эстонском обществе не приветствовалось.

Нападки на Баиова усилились после его выступления в таллинском Русском клубе. В своей речи Баиов выступил против решения эстонского правительства и городских властей снести памятник Петру Великому, который якобы напоминал о «рабском прошлом Эстонии». При этом Баиов достаточно резко высказался и в адрес Эстонского государства, допустившего такого рода проявление вандализма [Kihutustöö]. Хотя выступление Баиова прозвучало в закрытом клубе, дело получило огласку, и для его рассмотрения была собрана Комиссия по государственной обороне при Парламенте [Rajur: 144]. В результате Баиов чуть было не лишился своей должности, но благодаря заступничеству военного министра Я. Соотса дело было закрыто [ERA 1: 7: 28: 177].

Тем не менее, свои служебные обязанности Баиов исполнял безукоризненно, и в этом отношении его недоброжелателям придаться было не к чему. Согласно аттестациям, которые ежегодно оформлялись на каждого служащего по военному ведомству, начальство и коллеги А. К. Баиова оценивали его знания, педагогические и личные качества очень высоко. Так, например, отмечалось, что как преподаватель Баиов обладал обширнейшими знаниями, умел, хотя и несколько сухо, но довольно интересно преподнести слушателям материал, в то же время был достаточно требователен; с коллегами и слушателями вел себя исключительно вежливо и корректно, при исполнении служебных обязанностей был всегда точен и дисциплинирован. Среди мелких недостатков в аттестациях отмечалось то, что Баиов свои лекции читал несколько шаблонно без использования новейших данных и материалов; своего мнения не высказывал и вообще отличался замкнутостью. Главным недостатком Баиова высшее начальство считало незнание им эстонского языка, впрочем, отмечая при этом, что заменить такого рода специалиста вряд ли будет возможным даже в будущем [ERA 495: 2: 61: 106–115 об.].

К 1923 г. эстонское военное руководство начало постепенно реализовывать некогда данное общественности обязательство отказаться от услуг инородцев-военнослужащих, не соответствующих предъявляемым им требованиям. Еще в конце 1922 г. Комиссия по государственной обороне приняла решение об увольнении 40 инородцев [Pajur: 143]. В их числе были и преподаватели военных учебных заведений Г. М. Ванновский, П. П. Маресев, С. А. Острогорский и А. В. Кушелевский [ERA 646: 1: 38: 97–98, 139, 141–143, 171]. В сентябре 1923 г. с военной службы были уволены и зачислены в запас 23 инородца, большую часть из которых составляли русские [Хроника 1923]. 10 января 1923 г. вышел закон, согласно которому все служащие в эстонских вооруженных силах, не владеющие государственным языком, должны были сдать экзамен. В случае несдачи экзамена по эстонскому языку им грозило разжалование в рядовые [Seadus]. В соответствии с этим законом в мае 1924 г. из списков офицеров эстонской

армии было исключено 120 офицеров [Исключение], а в августе того же года еще 13 офицеров были разжалованы в рядовые [Хроника 1924].

Впрочем, седьмой параграф закона гласил, что по усмотрению военного министра без знания государственного языка на военную службу могли быть приняты те офицеры и чиновники, которые обладали высшим специальным образованием, и чье привлечение на службу было оправдано интересами государства [Seadus]. Не вызывает сомнения, что данное исключение было сделано военным министром Я. Соотсом именно для Баиова, так как кроме него все его коллеги, не овладевшие эстонским языком, были уволены.

Но, несмотря на покровительство начальства и безупречные аттестации по службе, новые веяния в военном министерстве коснулись и Баиова. С 1923 г. его преподавательская нагрузка была сокращена, и из 6 предметов, которые он читал на Курсах Генерального штаба, ему был оставлен только один предмет — «История военного искусства» [ERA 1856: 1: 52: 1–3]. Именно с этого времени Баиов начинает активно участвовать в общественно-политической жизни русской эмиграции в Эстонии. Он открывает книжный магазин «Русская книга», при котором действовала библиотека, а потом и издательство. С 1924 г. Баиов занимает должность председателя Совета старшин Русского клуба; он является организатором «Кружка ревнителей церковного благоустройства при храме Пюхтицкого подворья» в Таллинне, входит в правление родительского комитета Таллиннской городской русской гимназии, принимает участие в работе комитета частной гимназии при обществе «Русская школа в Эстонии», занимается объединением русских скаутов в Эстонии, участвует в других русских эмигрантских организациях. Баиов много выступает с докладами и лекциями, выпускает полемические брошюры, печатается на страницах местной русской прессы и даже на собственные средства издает газеты².

² Подробнее о деятельности А. К. Баиова в Эстонии см.: [Исаков 2002; Абисогомян 2003].

Таким образом, к середине 1920-х гг. А. К. Баиов становится главной фигурой не только среди русских военных, монархистов и правых, но и вообще среди русских эмигрантов в Эстонии. Его имя все чаще начинает упоминаться в отчетах Охранной полиции, на страницах эстонской и русской прессы, и даже на заседаниях в Парламенте страны [ERA 1: 7: 28: 40 об., 177–177 об., 186, 189–189 об.; ERA 80: 1: 526: 18; Оратель]. Поэтому, несмотря на покровительство высших чинов эстонской армии, его общественно-политическая деятельность привела к необходимости выбора — или продолжать преподавательскую работу в военных заведениях Эстонии, или заниматься делами русских эмигрантов [Штейфон: 220]. Баиов выбрал последнее и подал рапорт об уходе по собственному желанию с должности профессора эстонских учебных заведений [Хроника 1926]. Приказом начальника Объединенных Военных учебных заведений Эстонии от 1 февраля 1926 г. его рапорт был удовлетворен. В своем приказе колонель Генерального штаба Я. Ринк отмечал большие заслуги Баиова в деле обучения и воспитания эстонских офицеров и его фундаментальный вклад в развитие высшего военного образования в Эстонии [ERA 650: 1: 119: 62].

Таким образом, в середине 1920-х гг. большая часть русских военных специалистов покинула службу в эстонской армии и военных учебных заведениях. К этому времени в эстонской армии уже появилось новое поколение офицеров, получивших военное образование в училищах и академиях Франции, Финляндии, Польши, Бельгии, Великобритании и Германии. По возвращении на родину они сразу же замещали специалистов неэстонской национальности, «благодаря чему, — по мнению А. Паюра, — стало возможным отказаться от сомнительных услуг русских профессоров» [Рајур: 153]. В военных учебных заведениях уже в 1926 г. не было почти ни одного лектора-неэстонца на постоянной контрактной основе. Именно с этого времени, по мнению другого эстонского историка, «национальное военное высшее образование было положено на твердую основу» [Helme: 7].

Об этом процессе писал А. К. Баиов в 1931 г. в записке «Русская эмиграция в Эстонии», предназначенной для баронессы М. Д. Врангель:

Русские не допускаются к занятию высших государственных должностей, они едва терпят на государственной службе и от них там стараются избавиться, <...> с течением времени, используя в полной мере знания, опыт, навыки русских, эстонцы всюду и везде постарались избавиться от них. Они все взяли от них и затем выбросили их как выжатый лимон. И те русские эмигранты, которые принимали деятельное участие в той или иной мере в строительстве нового государства, теперь живут тут же, испытывая большую нужду. Впрочем, большая часть из них, разочарованная в благодарности эстонцев, покинула их недружелюбную страну (цит. по: [Исаков 2002: 222, 232]).

Все, написанное А. К. Баиовым, его самого, пожалуй, касалось в меньшей степени, чем его коллег. Уход Баиова со службы был добровольным и являлся своего рода политическим протестом. Можно с уверенностью утверждать, что при желании Баиов мог бы и дальше преподавать в военных учебных заведениях, но стремление к личному благополучию не было характерным для него. А. К. Баиов являлся человеком высоких нравственных идеалов, убежденным русским патриотом и сторонником возрождения былого величия Российской империи, что совершенно не совпадало с целями молодого эстонского государства. Хотя в эстонском обществе люди подобного рода убеждений не приветствовались, но и жестоких репрессивных мер к ним тоже не применялось, в демократическом государстве, каковым была Эстония в 1920–30-е гг., уживались люди разных политических убеждений, кроме, конечно, коммунистических. И сторонники эстонской независимости, и русские монархисты во главе с Баиовым тактически были союзниками в противостоянии к советскому режиму в России, но стратегически их цели разнились. Однако в 1940 г. для новой советской власти и русские, и эстонские националисты были одинаково неприемлемы и поэтому одинаково обречены на физическое уничтожение. Правда, Алексей Константинович Баиов до этого момента не дожил, скончавшись 8 мая 1935 г.

ЛИТЕРАТУРА

- Абисогомян 2003: *Абисогомян Р.* Деятельность А. К. Баиова в Эстонии // Труды Русского исследовательского центра в Эстонии. Вып. 2 / Сост. В. Бойков. Таллинн, 2003. С. 49–69.
- Исаков 1996: *Исаков С. Г.* Алексей Константинович Баиов // Исаков С. Г. Русские в Эстонии (1918–1940). Историко-культурные очерки. Тарту, 1996. С. 305–308.
- Исаков 2002: *Исаков С. Г.* Записка А. К. Баиова «Русская эмиграция в Эстонии» // Балтийский архив. Русская культура в Прибалтике. Т. VII. Вильнюс, 2002. С. 212–243.
- Исключение: Исключение 120 офицеров из-за незнания государственного языка // Русский Голос. 1924. 17 мая. № 31. С. 2.
- Оратель: «Оратель» // Час. 1926. 25 янв. № 8. С. 2.
- Хроника 1923: Хроника // Последние Известия. 1923. 3 сент. № 213. С. 2.
- Хроника 1924: Хроника // Последние Известия. 1924. 15 авг. № 210. С. 3.
- Хроника 1926: Хроника // Последние Известия. 1926. 11 фев. № 33. С. 3.
- Штейфон: *Штейфон Б. А.* Национальная военная доктрина: Профессор генерал А. К. Баиов и его творчество. Таллинн, 1937.
- ERA 1: 7: 28: Eesti Riigiarhiiv (ERA). F 1. N 7. S 28 (Monarhistid Eestis).
- ERA 80: 1: 526: ERA. F 80. N 1. S 526 (I Riigikogu Riigikaitse komisjoni protokollid).
- ERA 495: 2: 61: ERA. F 495. N 2. S 61 (Sõjavägede Staap. Ohvitseride ametikohtadel teeninud eraisikute atestatsioonid).
- ERA 495: 2: 84: ERA. F 495. N 2. S 84 (Ettepanekud Vabariigi Valitsusele ja seaduse kavad).
- ERA 495: 3: 492: ERA. F 495. N 3. S 492 (Kaitsevägede staabi IV osakonna B jaoskonna kaust Nr 5).
- ERA 646: 1: 38: ERA. F 646. N 1. S 38 (Vabariigi Sõjakooli ohvitseride, lektorite, arstide ja sõjaväeametnikkude nimestiku raamat).
- ERA 646: 1: 162: ERA. F 646. N 1. S 162 (Väljavõtted Sõjakooli ülema päevakäskudest; ohvitseride kursuste nädala tunnikavad koos lektorite nimekirjad, tundide jaotuse ja õppekavaga).
- ERA 646: 1: 164: ERA. F 646. N 1. S 164 (Kirjavahetus sõjaväe asutistega Sõjakooli sõjaväelaste ja eraisikute koosseisu).

- ERA 646: 1: 304: ERA. F 646. N 1. S 304 (Sõjakooli klasside inspektorile teadmiseks saadetud lektorite nimekirjad koos õppetundide arvelduse aruannetega ning vastava kirjavahetusega).
- ERA 650: 1: 119: ERA. F 650. N 1. S 119 (Sõjaväe Ühendatud Õppeasutuste ülema käsukirjad).
- ERA 1856: 1: 2: ERA. F 1856. N 1. S 2 (Kindralstaabi kursused. Kursuste päevakäsud. 1921).
- ERA 1856: 1: 5: ERA. F 1856. N 1. S 5 (Kindralstaabi kursuste õppejõudude istungite protokollide raamat).
- ERA 1856: 1: 6: ERA. F 1856. N 1. S 6 (Kindralstaabi kursuste õppekavad ja programmid).
- ERA 1856: 1: 7: ERA. F 1856. N 1. S 7 (Kirjavahetus sõjaväe õppeasutuste inspektoriga ja teiste sõjaväe ülematega kursuste õppekavade, õppeprogrammide ja eksamite kohta).
- ERA 1856: 1: 9: ERA. F 1856. N 1. S 9 (Kindralstaabi ülema poolt väljaantud kursuste sisekorra määrused).
- ERA 1856: 1: 10: ERA. F 1856. N 1. S 10 (Kindralstaabi ülema poolt väljaantud kursuste sisekorra määrused).
- ERA 1856: 1: 52: ERA. F 1856. N 1. S 52 (Kindralstaabi kursuste õppekavad ja õppeprogrammid).
- ERA 1856: 1: 64: ERA. F 1856. N 1. S 64 (Sissetulnud ja väljaläinud sajalaste kirjade registreerimise raamat).
- Helme: *Helme, R.* Eesti Sõjakoolide kaks aastakümnet // Mälestusi Eesti Vabariigi sõjakoolist / Koost. V. Talts. Tallinn, 1996. Lk 4–8.
- Hääl: Hääl kadettide hulgast. Kuhu meid juhitakse // Vaba Maa. 1920. 27. okt. Nr 245. Lk 6.
- Kihutustöö: Ühe meie teenistuses seisva vene ohvitseri Eesti vastane kihutustöö // Päevaleht. 1922. 5. juuli. Nr 154. Lk 3.
- Kõrgem Sõjakool: Kõrgem Sõjakool 1921–1931. Tallinn, 1931.
- Mõned küsimused: Mõned küsimused meie praeguse sõjaväe korralduse alalt // Päevaleht. 1922. 10. märts. Nr 57. Lk 2.
- Pajur: *Pajur, A.* Eesti Riigikaitsepoliitika aastail 1918–1934. Tallinn, 1999.
- Seadus: Seadus nende Eesti kodanike kaitsevärke vastuvõtmise kohta, kes ohvitseridena ja ametnikkudena välisriikide sõjavägedes teeninud // Riigi Teataja. 1923. 3. veebr. Nr 18. Lk 95.
- Väljavõtted: Väljavõtted sõjaministri päevakäskudest // Sõdur. 1920. 5. juuni. Nr 23. Lk 1.